

ТРОПА РОМАНТИКА



К творческому портрету писателя Алексея Малышева

Испытание природы трудно... однако приятно, полезно, свято. Чем более таинств ее разум постигает... Чем далее рачение наше в оной простирается, тем обильнее собирает плоды для потребностей житейских.

М. В. Ломоносов.

Тот не писатель, кто не прибавил к зрению человека хотя бы немного зоркости.

К. Р. Паустовский.

ИСХОДНЫЕ ПОЗИЦИИ

Литературный багаж Алексея Александровича Малышева состоит из шести книг, хорошо известных читателям. Вот они: повести «Золотое озеро», «Искатели», «Повесть о заповедной земле», «Повесть о таежном следопыте», романы «Тропой романтики» и «Тринадцатый кордон».

Во всех этих шести книгах много общего. Все они связаны с природой, а «география» места действия, хотя и обширна территориально—от Дальнего Востока до Кавказа, но и довольно однообразна — различные заповедники нашей страны. Понять причины этого как будто просто, если принять во внимание, что всю свою сознательную жизнь Малышев работает либо в заповедниках, либо в организациях, непосредственно связанных с природой. Но такое объяснение как раз и будет официальным, основанным лишь на анкетных данных.

Правильнее поставить вопрос другому: почему Малышев избрал именно такую сферу для своей деятельности? Ответ на него может явиться ключом к пониманию самой сущности его творчества.

О своих произведениях Малышев как-то сказал:

— Основная проблема

Создать портрет писателя, как впрочем, и любого творческого работника, не просто. Если ограничиться лишь внешним сходством, внешней похожестью, одними официальными, анкетными данными, портрет будет безнадежно искажен.

Проникнуть во внутренний мир художника, в его «святую святых», понять силы и причины, побуждающие его писать так, а не иначе — таковы неперенные условия для создания портрета, не искажающего, а вскрывающего наиболее существенное, а потому и самое главное в творчестве писателя, показывающее «фундамент», на котором основана его деятельность.

Эта задача требует для своего выполнения и продолжительного времени и глубочайших исследований. Цель настоящего очерка значительно скромнее — познакомить читателя лишь с отдельными «заготовками» к такому портрету, поделиться мыслями об особенностях творчества писателя, чьи произведения близки автору очерка и которого он лично знает много лет.

большинства моих книг, крайне волнующая меня,— тайна единства человека и природы.

Он глубоко убежден, что подлинно радостное, оптимистическое, свойственное Человеку восприятие жизни может дать только природа, только общение с ней. Человек, являясь завершающим, совершенным творением природы, ее неотделимой частью, не может жить вне природы, вопреки ее объективным законам. Однако в условиях непрерывно нарастающего процесса урбанизации, в условиях капиталистического общества, основанного на принципах хищнической,— после нас хоть потоп! — исключительно потребительской эксплуатации природы, гармоническая связь человека и природы была нарушена, человек, подобно блудному сыну, потерял ключи от родного дома и тем самым безжалостно обокрал самого себя.

Однако Малышев не столько скорбит об утерянных ключах, сколько верит, что в коммунистическом обществе человек восстановит утраченную связь с природой. Это его «символ веры», за осуществление которого он активно борется на протяжении всей своей сознательной жизни.

Человек и природа — одна из вечных тем, волнующих человечество.

В буржуазной литературе эта тема получила и такое разрешение: «Назад, к природе, к первобытному опрощению». Насмерть перепуганный, оглушенный маразмом капиталистической действительности, вконец растерявшийся обыватель, не видящий разумного выхода из сложившейся обстановки, беспомощно кричит словами героя одного из сатирических стихотворений поэта Саши Черного:

В лес, к природе и девственным
елям!

Буду лазить, как рысь, по
шершавым
стволам...

Признание своего бессилия,

полная капитуляции перед стихийными силами общественного развития и, как единственный выход, возвращение на исходные позиции, в состояние питекантропа.

Понимание Малышевым проблемы «человек и природа» диаметрально противоположно такому заключению. Всячески подчеркивая эстетическое значение природы, ее облагораживающее воздействие на человека, прекрасно представляя величайшую сложность природы (Малышев доктор биологических наук), он так формулирует свое отношение к проблеме: «Вперед, к природе, к всемерной охране ее уникальности, к глубокому познанию ее тайн и законов в целях активного и всестороннего использования ее неисчерпаемых богатств для блага человека».

Происходящее в природе целесообразно? Безусловно. Но стихийная целесообразность отдельных процессов, совершаемых в природе, удовлетворить современного человека уже не может. Не нарушая принципиальных устоев этой целесообразности, человек все в большей мере обязан разумно вмешиваться в частности.

Существуют, например, в природе так называемые экологические ниши — области жизнеобитания того или иного вида, обусловленные взаимодействием данного вида с совокупностью природных условий. В силу этого в прекрасных лесах Кавказа не было такого ценного пушного зверька, как белка. Вмешательство человека, переселившего в Теберду алтайскую белку, исправило этот «недосмотр» природы. Целесообразно ли поступает природа, ограничив пространство экологической ниши ценнейшего лекарственного растения женьшеня пределами Дальнего Востока? Человек и в данном случае исправил «просчет» природы. Ныне женьшень произрастает и в Теберде.

Разумеется, вмешательство человека в дела природы не ограничивается лишь изменениями в

системе экологических ниш. Поле его деятельности безгранично. Человек уже в состоянии не только сохранять существующее, но и сознательно изменять качества, присущие тому или иному виду растений или животных, человек уже мечтает о создании новых видов, не существующих в естественных условиях. В свою очередь и природа, открывая перед человеком свои тайны, облагораживает его, способствует его совершенствованию.

Именно в подобных динамических взаимоотношениях человека и природы видит Малышев — гражданин, ученый, писатель свое жизненное назначение. Все это, в конце концов, и создает у него то необходимое для писателя состояние, о котором Лев Николаевич Толстой говорил: «...писать надо... только тогда, когда мысль, которую хочешь выразить, так неотвязчива, что она до тех пор, пока, как умешь, не выразишь ее, не отступает от тебя».

ПРИРОДА — «ДЕЙСТВУЮЩЕЕ ЛИЦО»

«Я трижды побывала в Теберде и Домбае, совершила переход через Клухорский перевал. Я очень люблю природу и была уверена, что хорошо знаю ее. Но вот прочитала Вашу книгу «Искатели», и природа Теберды открылась передо мной как будто заново, словно я посмотрела на нее через волшебные очки, и окружающее стало еще ближе, еще чудеснее, еще прекраснее».

Это одно из многих писем читателей произведений Малышева. Авторы писем, главным образом молодежь, которая, вообще-то говоря, в своем большинстве не столь склонна (к большому сожалению!) приходить в восторг от описаний природы.

Почему же читатели книг Малышева не пропускают страниц и строк с описанием природы, а нередко заинтересованно перечитывают их?

Секрет этого скрыт, очевидно, в том, что Малышев не только художник, но и ученый, большой знаток природы.

Когда непосвященный в тайны человек, любуется, скажем, тисами, произрастающими в лесах Теберды, они для него просто красивые деревья. Малышеву известно и другое, что тис редчайший, прямо таки «музейный» экспонат природы, представитель немыслимо далекой третичной эпохи, дошедший до нас почти в неизменной форме. Если турист увидит застывшую на скале фигуру мощного тура, ему и в голову не придет, что перед ним эндемик, то есть животное, за пределами Кавказа нигде больше не встречающееся. Малышев это знает.

Почему там, где мирно сосуществуют одни виды растений и животных невозможно существование других? Осталась ли неизменной окраска шерсти у алтайской белки, переселенной в леса Теберды? Почему одни и те же растения различны в долинах и на альпийских лугах? Почему, почему, почему?..

Ответы на тысячи подобных вопросов известны Малышеву-ученому, В силу этого Малышев-художник воспринимает окружающую природу не только зрительно и не только чувственно. Читатель поэтому испытывает удовлетворение не только от эстетического восприятия окружающего мира, но и от его научного познания.

Малышев показывает читателю природу, как живой, динамичный организм, находящийся в вечном движении и в постоянных изменениях, организм, все части которого взаимосвязаны и взаимозависимы.

Так природа превращается в одно и «действующих лиц», вне связи с которым невозможно то главное, что происходит на страницах книг писателя.

Но не довлеет ли над Малышевым-художником Малышев-ученый? Не слишком ли «научно-популярно» его описание природы? Нет.

Дело в том, что Малышев-ученый обладает счастливой особенностью видеть окружающее не в «узком коридоре остро направленного лазерного луча», а во всей широте человеческих

ощущений. «Научно-популярное» не основное в творчестве Малышева-писателя, а лишь добавочное средство для создания художественного образа.

Вот пример («Тропой романтики»).

«Утро высоко в горах начинается перекличкой уларов. Эти горные индейки теперь, во второй половине лета, все чаще встречаются крупными стаями... С приближением человека птицы взлетают и, опустившись неподалеку, быстро куда-то убегают.

На лугах кочуют стайки зябликов. У верхней границы леса собираются в кучки пеночки. Появились первые перелетные стайки золотистых щурков.

А луга все меняются. Теперь они залиты лилово-синими скабиозами. Когда взглянешь вниз с хребта, то, кажется, среди лугов открывается множество ярких озер из цветов.

Не потому ли мне часто снятся озера?».

Не правда ли, почти слышишь голоса птиц, почти видишь луга-озерки и ощущаешь прохладу и какой-то пьянящий терпкий аромат чистейшего горного воздуха.

А вместе с тем в этих строчках скрыто много и чисто познавательных сведений.

Пожалуй, восприятие Малышевым природы в какой-то мере приближается к тому, что можно обнаружить в хорошо известных произведениях таких корифеев науки, как Дарвин и Тимирязев. «Путешествие на корабле «Бигль» Чарльза Дарвина воспринимается скорее не как ученый трактат, а как увлекательное художественное произведение. А описание Клементом Аркадьевичем Тимирязевым процессов, совершаемых в зеленой былинке? Ведь это образец поэтического творчества!

ГЛАВНЫЙ ГЕРОЙ — ЧЕЛОВЕК

В этом отношении позиция писателя предельно ясна: природа начало всех начал, но она лишь среда, в которой живет настоящий хозяин земли — человек.

«Плотность человеческого населения» во всех без исключения книгах Малышева очень велика. И вполне оправданно может возникнуть опасение: удалось ли писателю при таком обилии персонажей, сосредоточенных в очень уж ограниченной сфере своей деятельности,— почти все они живут и работают в заповедниках — избежать повторов, однообразия, кочующих из книги в книгу схем.

Разумеется, нечто общее у героев книг Малышева есть. Скажем так: Юрий Николаевич из повести «Искатели» и Пал Палыч из «Повести о заповедной земле» оба биологи. Конечно же, их профессиональная деятельность и профессиональные интересы сходны. Общее есть и у Елистрата Павловича Пуля, и у Инны («Искатели»), и у Алеши Крылова, и у Марфы Ивановны Бармашовой («Повесть о заповедной земле»), и у других персонажей из других произведений.

Но на этом похожесть героев Малышева и кончается. Кроме одинаковой профессии это все люди разные. Различны их отношения к работе, различны их представления о жизненных идеалах. Отсюда их индивидуальность.

Что особенно характерно для творческой манеры Малышева, он не рассказывает «со стороны» об индивидуальных качествах своих героев, а показывает эти качества в динамике. Его герои—люди деятельные, зачастую крайне увлеченные, одержимые.

Поэтому «население» книг Малышева находится в постоянном, активном взаимодействии друг с другом. В силу этого столкновение интересов приобретает характер настолько острых конфликтов, что читатель не может оставаться равнодушным и незаметно для себя превращается в равноправного соучастника описываемых событий.

Что же помогает Малышеву добиваться такой реалистичности в своих произведениях?

Прежде всего, конечно, талант художника и одинаковое с читателями

мировоззрение. Но нельзя забывать и о питательной среде, из которой писатель черпает необходимый ему материал. Малышеву не надо «ездить в командировки» на поиски «прообразов». Он постоянно живет среди своих героев, окружен прообразами со всех сторон.

Строго говоря, все произведения Малышева документальны. Со своими героями писатель общается ежедневно, ежечасно, он делает одно с ними дело, одним симпатизирует больше, другим меньше, а третьих просто не приемлет. И острые столкновения и конфликты Малышев не придумывает, а нередко сам участвует в них.

Это, конечно, не значит, что и герои, и конфликты переходят из жизни на страницы книг без всяких изменений. Что-то не самое важное писатель притушевывает, что-то третьестепенное опускает вовсе, а что-то особенно важное обостряет. В «Повести о таежном следопыте» автор даже сохранил подлинное имя главного героя, замечательного ученого-исследователя Льва Георгиевича Капланова, трагически погибшего от пули браконьера в расцвете своих творческих сил. Однако, кто знал Капланова лично, находят в описании этого человека Малышевым нечто новое, что в свое время прошло мимо их внимания, но несколько не противоречит действительности.

И еще на одну особенность творчества Малышева следует обратить внимание.

Хотя люди, населяющие большинство его книг, живут и работают на ограниченном пространстве,— в заповедниках, однако они вовсе не изолированы от всего остального мира. Звучит парадоксально, но именно эта вынужденная «географическая» ограниченность и показывает наиболее ярко их духовную связь и общность интересов со всем народом. Ведь то, что делают герои Малышева, они делают не для себя, а для всех, для всей страны.

* * *

Принципиальные требования

Малышева к людям очень высоки, но одновременно и очень «земные». Внутренний, живущий в сознании писателя «идеальный герой» ничуть не похож на супермэна, «сверхчеловека». Наоборот, он очень человечен, очень обыкновенен, наделен, как и все люди, не только плюсовым, положительным, но и минусовым, отрицательным зарядом. Поэтому в произведениях Малышева нет героев безукоризненно идеальных. Им свойственно все, что свойственно обыкновенному человеку. Даже такой неукротимый охранитель природы, как Капланов, на чьей стороне все симпатии писателя, совершает далеко неблагоприятный поступок, когда, поддавшись мимолетному чувству мести, однажды ставит ружье-самопал на тигра, прием категорически запрещенный, браконьерский, хищнический. А с другой стороны враг природы, а потому и личный враг писателя, браконьер Барготин («Искатели») в силу сложившихся обстоятельств спасает жизнь хорошей девушки Разьят.

Малышев старается быть объективным в изображении тех, кого он описывает.

Однако его объективность не все прощающая, все оправдывающая. Она справедлива, но воинственна, бескомпромиссна, наступательна. Она не скрывает отдельные факты, но и не подтасовывает их, а обобщает, сопоставляет и таким образом помогает выявлять главное, принципиальное в человеке.

Все симпатии автора на стороне тех, кто «за природу», кто сознательно и активно борется за восстановление гармонических связей с ней. Их автор любит нежно, за них стоит горой, но и предъявляет к ним высокие требования в соответствии со своим пониманием места человека в проблеме «человек и природа».

Вспомните образ Елистрата Павловича Пуля из повести «Искатели».

Кто такой добрейший Елистрат Павлович? Он большой ученый, самоотверженный труженик, по крохам

собирающий ценнейшие факты. А ведь еще великий русский ученый Иван Петрович Павлов говорил, что факты — это воздух ученого. Однако тот же Павлов, а вместе с тем и Малышев, не приемлют ученых, которые лишь собирают факты, но не используют их. Павлов едко называл их «архивариусами фактов».

Елистрат Павлович очень похож на такого архивариуса. И как бы ни уважал его эрудицию писатель Малышев, как бы ни симпатизировал ему как человеку, он не может оставаться равнодушным к его слабостям. В свойственной ему манере он создал будто бы необходимый, слегка иронический и в то же время почти гротесковый образ ученого, далекого «от грубых, утилитарных производственных целей».

Однако мягкость и тактичность пропадают, как только писатель обращается к другим представителям населения своих книг, к тем, кого он считает врагами природы. Сохраняя меру справедливости по отношению к их отдельным поступкам, он рано или поздно безжалостно раздевает их перед читателем, как говорится, догола (Барготин, Степан, Егор, Тихон Петрович, бабка Лукерья), доводя их образы до чистого гротеска, предавая их всенародному порицанию.

Писатель непримирим и к тем, кто во имя своего личного спокойствия, своих карьеристских целей остается равнодушным к проблемам научного познания тайн природы (Салтыков в повести «Искатели») и к необдуманным действиям представителей целых ведомств, явно нарушающим равновесие в природе (лесничий Масленков из «Повести о заповедной земле»).

О РОМАНТИКЕ И РОМАНТИКАХ

Читают книги Малышева не только молодежь, для которой он, собственно, и пишет, но и многие взрослые, кто не лишен юношески непосредственного восприятия мира.

Не потому ли происходит такое,

что книги Малышева читаются «легко», а сюжетные положения в них остры, неожиданны, увлекательны, в чем-то приближающиеся к приключенческой, «детективной» литературе?

Но недостаток ли это?

Вспоминаю один из разговоров с Малышевым:

— Скажите, Алексей

Александрович, как совмещаете вы работу ученого и писателя? Не мешает ли одно другому?

— Почему мешает?

— Ну хотя бы потому, что в исследованиях ученого главенствует рациональное начало, точный, математический расчет, чему полностью подчинены эмоции, а у художника эмоциональное восприятие стоит на первом плане.

— А почему вы противопоставляете ум и чувство, составляющие сущность человека? В моем представлении они неотделимы друг от друга. Человек не полноценен, если пользуется только одной половиной того, чем наделила его природа. Художник не может жить только одним чувственным восприятием мира, а ученый не достигнет поставленных целей, если будет пользоваться только тем, что вы подразумеваете под точным математическим расчетом. И у ученого, и у художника питательная среда их творчества одна и та же, непреодолимая человеческая потребность познания бытия. К какой категории — рациональному или эмоциональному отнесете вы эту непреодолимую потребность? По моему глубочайшему убеждению работа ученого и художника, а конкретнее — ученого и писателя очень похожи. И тот и другой исследователи неизвестного, чем-то напоминающие детектива, шаг за шагом распутывающего клубок сложнейших, иногда противоречивых представлений, явлений и событий. Результаты их исследований одинаково необходимы всем людям. Разница, на мой взгляд, заключается в том, что теоретическое открытие ученого доходит до сознания широчайших масс в

трансформированном виде, пройдя сложный путь практического перевоплощения, а открытие писателя передается людям в своем первоизданном состоянии. С открытием ученого в первую очередь имеют дело многочисленные специалисты — знатоки в данной области, своеобразные «посредники» между широкими массами и ученым. А писатель сам обязан пропагандировать свое открытие. Значит, форма изложения его произведения должна быть не только убедительной, но и способной возбудить интерес большинства, захватить внимание большинства. Иначе говоря, литературное произведение прежде всего должно быть увлекательным, романтическим. Да, да, романтическим. Ведь романтичность свойственна многим людям, особенно молодежи, для которой я пишу в первую очередь, а увлекательность родная сестра такого благородного свойства, как увлеченность.

Вот в чем дело! И Малышев-ученый и Малышев-писатель одинаково романтики. И тот и другой Малышев — романтики в том смысле этого слова, как понимал это Белинский, который под термином «романтизм» подразумевал особую настроенность души, способность вносить в свое дело поэтическое начало и неиссякаемый творческий энтузиазм.

Малышев-ученый романтик, но это не мешает, а способствует его научной работе, тому вкладу, который он вносит в конкретную производственную деятельность человека.

Сами научные исследования Малышева имеют явно романтическую окраску. В самом деле! Около двадцати лет его жизни отдано опытам выращивания культурных растений на таких высотах в горах, где эти растения никогда не росли. Малышев доказал, что в определенном поясе гор многие кормовые и овощные растения дают урожай в полтора-два раза выше, чем внизу, в долинах.

Или другой пример. Тоже около двадцати лет он потратил на то, чтобы

доказать возможность произрастания женьшеня на Кавказе. Теперь это легендарное растение (про него на востоке есть пословица — «легче обучить взрослого тигра, чем вырастить женьшень») успешно культивируется в Теберде.

Разве это не романтика? Герои произведений Малышева-писателя в большинстве своем романтики, но от этого они вовсе не теряют своего «земного облика». Реальность их настолько убедительна, что однажды произошел курьезный случай.

Прочитав роман «Тропой романтики», один из читателей, серьезный научный работник, прислал автору романа письмо, в котором сообщает о том, что ему неоднократно доводилось бывать в тех местах, где происходит действие романа. «И мне особенно близко то, о чем рассказываете вы, — пишет автор письма, — потому что я хорошо знаю ваших героев. Если я не ошибаюсь, времени-то прошло много, — встречался я и с Азретом Якубовичем, и с Шапочкой, и с многими другими».

А курьез заключается в том, что и Азрет Якубович, и Шапочка, и другие действующие лица — образы, обобщенные, созданные воображением писателя.

Романтика, свойственная Малышеву, позволяет ему видеть в самом обыкновенном, примелькнувшемся нечто иное, чем видят все, и рассказывать об увиденном так, «как будто это никогда не было сказано раньше».

Ярчайший пример этого — роман «Тропой романтики». В нем рассказывается о событиях, происходящих в одной из колхозных животноводческих бригад. Казалось бы, трудно на этом материале создать увлекательное, высокой степени эмоционально насыщенное, почти «приключенческое» произведение. Сколько на книжных полках стоит запылившихся, «без употребления» сереньких опусов на тему «о колхозной жизни». А вот «Тропой романтики» на полках не залеживается!

Исповедуя убеждение, что литературное произведение должно быть интересным и увлекательным, Малышев сознательно большое внимание обращает на остроту сюжетных положений. Может быть, именно это и создает у некоторых читателей-ворчунов представление о «легкости» произведений писателя. Ну что же, вкусы бывают разные.

Когда-то Алексей Максимович Горький, познакомившись с книгой Арсеньева об его путешествиях на Дальнем Востоке, написал, что автору удалось объединить в себе Брема и Фенимора Купера, добавив в письме к нему: «Это, поверьте, не плохая похвала».

На мой взгляд, подобное гармоничное объединение научных познаний и приключенческого сюжета свойственно также я книгам Малышева.

Автор этого очерка, как следует из всего сказанного, никак не может отнести произведения Малышева к разряду «легкого чтения», целиком приемлет он и убеждения писателя об обязательной увлекательности литературного произведения, но хочет высказать и такую мысль: все хорошо в меру. У Малышева чувство меры развито хорошо, но иногда, правда, в очень редких случаях, ненависть его к тем, кого он заносит в списки врагов природы и человека, его огромная эмоциональность заставляет писателя балансировать на острие ножа. Дебош из повести «Искатели», Лукерья из «Повести о заповедной земле», чипчики из романа «Тринадцатый кордон». Не слишком ли много «ужасов» в событиях, связанных с этими персонажами, не переложил ли писатель черной зловещей краски, создавая эти образы?

Читая произведения Малышева, трудно поверить, что автор их далеко не молодой человек. Так оптимистично, так радостно, так ярко восприятие действующими лицами и природы и бытия человеческого. Ведь, по словам

Иоганна Гете, «каждый писатель до известной степени изображает в своих сочинениях самого себя, часто даже вопреки своей воле».

Можно лишь позавидовать Малышеву. Не каждому удастся, приобретя опыт и мудрость взрослого, сохранить безмерную любознательность, горячность и непосредственность восприятия мира, что свойственно молодым.

Ну что же, если это так, надо только радоваться. Не паспорт определяет возраст человека, а его восприятие мира.

Малышев, начавший свой литературный путь довольно поздно (первая его книга вышла в свет в 1952 году), находится в расцвете своих творческих сил. Он полон творческих замыслов, и читатели с полным основанием ждут его новых произведений.

С. СТРАХОВ.